

А. В. БЕЛОБРАТОВ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

**И ЭТО ВСЕ О НЕМ:
ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ**

Андреюшкина Т. Н., Елисеева А. В., Ишимбаева Г. Г., Кучумова Г. В., Майснер Ф., Москалюк А. В., Тихонова О. В., Цветков Ю. Л. Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма. Монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. — 243 с.

В обильной научной продукции русской литературоведческой германистики (за последние 15 лет в России выпущено в свет около 250 авторских монографий и сборников статей, посвященных изучению немецкоязычной литературы от средних веков до наших дней) жанр *коллективной монографии* — весьма редкое явление. Сборники статей, объединенных общей темой¹ или посвященных одному писателю², публикуются регулярно, а вот коллективное издание, собирающее нескольких исследователей для совместной работы над общей проблемой, координирующее их научные усилия и создающее

¹ In 60 Sprachen. Erich Maria Remarque: Übersetzungsgeschichte und Probleme = На 60 языках. Переводы произведений Э. М. Ремарка: История и основные проблемы / Ред. Т. Ф. Шнайдер, Р. Р. Чайковский. Osnabück: Universitätsverlag Rasch, 2002; Э. М. Ремарк и лагерная литература / Ред. Р. Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2003; Гёте в русской культуре XX века / Ред. Г. В. Якушева. М.: Наука, 2004; Гёте: личность и культура / Ред. И. Н. Лагутина. М.: Индрик, 2004; Концепты языка и культуры в творчестве Ф. Кафки / Ред. Б. Гецелев, В. Зусман, З. Кирнозе и др. Нижний Новгород: Деком, 2005; Поэтика Ницше / Ред. А. Э. Назиров. СПб.: СПбГУСЭ, 2010; Слово, стиль, образ (К 100-летию со дня рождения гражданина, писателя, патриота Юры Зойфера) / Ред. Р. Сакиева. Армавир: АГПА, 2012.

² Мне известны лишь публикации научного семинара, проводившегося Самарской гуманитарной академией совместно с Рурским университетом (Rahmen und Grenzen. Grenzen und Grenzerfahrungen in den Sprachen der Kunst. Bd 3. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006), а также опыт коллективной монографии, осуществленный в Ивановском государственном университете: Художественное слово в пространстве культуры: проблемы игрового начала. Коллективная монография / Ред. Ю. Л. Цветков, И. С. Киселева. Иваново: ИвГУ, 2013.

напряженное поле взаимодействия и взаимостолкновения разных уровней изучаемого материала и разных методологических подходов, — явление весьма редкое³. Появление такой работы, да еще и сконцентрированной вокруг творчества современного автора, факт весьма примечательный и привлекающий внимание.

Кристиан Крахт (р. 1966 г.) — весьма заметное имя в немецкоязычной литературе. Известен он и русскому читателю: из десятка его произведений, как самостоятельных, так и созданных им в соавторстве, переведены уже шесть книг, вызвавших широкий интерес на самых разных уровнях рецепционного пространства. Коллективная монография, подготовленная литературоведами из Воронежа, Иванова, Самары, Санкт-Петербурга, Тольятти и Уфы и изданная Тольяттинским государственным университетом, в центр своего внимания помещает «поп-литератора» Крахта, романы и эссеистика которого рассматриваются как «уникальные инновационные проекты», осуществляемые на «испытательном полигоне литературного постмодернизма» (с. 5). Восемь разделов (глав) коллективного литературоведческого исследования составлены из отдельных подглавок числом от двух до семи, имеющих своих конкретных авторов и охватывающих весь спектр литературной, журналистской, литературно-критической и кинематографической деятельности швейцарско-немецкого оллраундера. Наиболее многосторонне при этом представлен «забойный» роман Крахта «Фазерланд» (1995), его литературный первенец и несомненная удача, которую, как можно предположить по валу литературно-критических и литературоведческих работ, ему посвященных, писателю не удалось превзойти — хотя его романы «1979» (2001) и «Империя» (2012) вовсе не обойдены вниманием читателей.

Глава первая монографии («Многоликий» “Faserland” в немецком постмодернизме) обращена к массмедийному коду и коду путешествий в этой книге, к проблеме романа — культурного каталога и к произведению Крахта как к «роману протеста» (эти подглавки написаны Г. В. Кучумовой). Обращая внимание на «особенности ситуации последних десятилетий XX века», состоящие в том, что «литературное пространство активно поглощается массмедийным пространством» (с. 8), исследовательница лаконично вводит читателя в сферу «немецкоязычной поп-литературы» и пытается определить ее место и особенности в сопоставлении с «постмодернистской

³ Мне известны лишь публикации научного семинара, проводившегося Самарской гуманитарной академией совместно с Рурским университетом (*Rahmen und Grenzen. Grenzen und Grenzerfahrungen in den Sprachen der Kunst. Bd 3*. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006), а также опыт коллективной монографии, осуществленный в Ивановском государственном университете: *Художественное слово в пространстве культуры: проблемы игрового начала. Коллективная монография / Ред. Ю. Л. Цветков, И. С. Киселева. Иваново: ИвГУ, 2013.*

эстетикой», которая ориентирована на «эkleктизм и игровое начало, интертекстуальность и экспериментальность» (с. 13), и в связи с преодолением этой эстетики. Правда, в последующем изложении «поп-литература» Крахта и его роман «Фазерланд» постоянно оказываются «частью постмодернистского дискурса» (с. 19), а в подглавке 1.3 (Роман “Faserland” как роман протеста) осуществляется даже некоторое движение вспять, в контекст то ли литературы модерна, то ли социально ангажированной литературы, поскольку в романе Крахта обнаруживается отчетливое выражение «протеста против бездуховности и безнравственности общества тотального потребления» (с. 27), то есть некоторая утопическая или положительно-идеологическая (социально-критическая) программа, которую (по мысли исследовательницы) «в сегодняшней ситуации» способен реализовать лишь «денди» («аристократическим интеллектуалом — современным денди» именуется в исследовании герой Крахта): «именно дендизм, как субститутивная форма аристократизма, выступает как единственно возможный вариант сопротивления господствующей идеологии» (с. 26). Правда, в следующей подглавке книга Крахта вновь возвращается в пространство постмодерна: ведь «Фазерланд» — «яркое свидетельство того, что в рамках литературной парадигмы постмодернизма может быть продолжена великая реалистическая традиция литературы путешествий» (с. 27).

Весьма убедительно этой «интерпретационной неуверенности» противостоит А. В. Елисеева в подглавках, обращенных к проблеме «обновления традиций романа-путешествия» и соотношения исторической памяти и «бренда» в анализируемом романе: «текст сопротивляется старой инерции прочтения книг — интерпретации как моралистического сочинения» (с. 40). Речь в произведении Крахта прежде всего идет о «ментальных странствиях героя-рассказчика по руинам былых смысловых парадигм» (с. 31), в нем разрушается «всякая дискурсивная укорененность» (с. 40). В частности, «обличительный тон нарратора» (с. 44), обращенный к теме немецкого «непреодоленного прошлого», у Крахта связан с нарушением и пародированием «дискурсивной практики» таких авторов, как Генрих Белль, Зигфрид Ленц и др., с «гротескным антифашизмом нарратора» (с. 37).

Шестая (наиболее объемная) глава охватывает всю прозаическую продукцию Крахта из компаративистской перспективы. В ней рисуется довольно разнообразная и многосоставная картина включенности его текстов в исторический и современный контекст немецкой и мировой литературы: Фридерика Майснер (публикующая — на немецком языке — фрагменты своей магистерской работы, защищенной в Лейпциге) сопоставляет «постмодернистский авантюрный» роман «Империя» Кристиана Крахта с опубликованным в 1741 году романом Иоганна Готфрида Шнабеля «Остров Фельзенбург». Г. В. Кучумова сопрягает «коды поколений» в «Фазерланде»

Крахта и «Трех товарищах» Ремарка. Ю. Л. Цветков сравнивает наделенное «интеллектуальной глубиной» постмодернистское произведение швейцарского писателя («Фазерланд») с книгой «Духless» Сергея Минаева, «далекой» от подобной глубины, «однако» делающей «бездуховность героя и его потребительские интересы <...> объектами саморефлексии героя» (с. 148). Исследователь размышляет также (в отдельной подглавке) об «образе России» у Крахта (в его романе-антиутопии «Я буду здесь, на солнце и в тени») и Даниэля Кельмана (в романе «Измеряя мир»). Сопоставление двух весьма отличающихся друг от друга текстов — «альтернативно-исторического» (с. 80), по определению Г. Г. Ишимбаевой, романа Крахта и «как бы» жизнеописательного романа Кельмана — из перспективы *tertium comparationis*, сравнительного изучения образа России, каковой у Крахта отсутствует напрочь («Государства Россия в антиутопии Крахта не существует», с. 153), а у Кельмана представлен в весьма эскизно-облегченном и клишированном виде (необъятные просторы Сибири), — возможно, не самый удачный выбор в этой компаративистской главе. И более чем непостижимой представляется «кода» данного сопоставления, вряд ли уместная в литературоведческой работе и, разумеется, никакого отношения ни к австрийскому, ни к швейцарскому писателю и их романам не имеющая: «Россия остается в современных сложных условиях противостояния остальному миру мощной природной и общественно сплоченной державой» (с. 156).

В компаративистское рассмотрение творчества Крахта включаются и две подглавки, написанные О. В. Тихоновой, в которых «Фазерланд» Крахта сопоставляется с английским романом-антиутопией Роберта Харриса «Фатерланд» (1992), а книга очерков Крахта «Карта мира» (1996—2002) — с документальными путевыми заметками «Берлин — Москва» (2003) немца Вольфганга Бюшера. Наибольшее внимание в этом разделе привлекает подглавка «Музыкальный код в поп-литературе» (Г. В. Кучумова) и желание исследовательницы разглядеть в звучащей в романах К. Крахта и Б. фон Штукрад-Барре музыке «модель идеальной коммуникации» (с. 157).

Полиперспективное рассмотрение творчества Крахта существенно дополняется и анализом жанровой модификации его романов (наблюдения Г. Г. Ишимбаевой над жанровой природой романа «1979» сопровождаются размышлениями Г. В. Кучумовой о традиции литературной антиутопии в этом же произведении и анализом Ю. Л. Цветкова, выявляющего в этой книге «основные идеи творчества писателя: неприятие общества потребления и пагубное влияние тоталитарной идеологии на сознание человека» (с. 65).

В качестве «Заключения» редактор коллективной монографии Т. Н. Андреюшкина представила на ознакомление пространный «Forschungsbericht» — библиографический обзор работ о Крахте, выполненных зарубежными исследователями.

Несомненно, жанр коллективной монографии требует более плотной «коллективной научной работы»⁴, связанной с необходимостью не «рядоположенной» публикации разных текстов разных исследователей, объединенных одним массивом изучаемого материала, а разворачивания этой работы на долговременной дискуссионной площадке, с взаимопрочитыванием и взаимосотнесением наблюдений и интерпретационно-аналитических выводов участвующих в ней ученых. Отсутствие такой работы в книге о Крахте ощущается, к примеру, в весьма обильно представленных повторах (порой даже в текстах одного и того же исследователя, напр. на с. 35 и 45), когда читателю несколько раз в разных местах сообщается, например, о том, кто такой Кристиан Крахт, откуда он родом и что он написал. Ряд подглавок явно обнаруживает свое не «коллективно-монографическое» происхождение и выглядит скорее как где-то по другому случаю прочитанный доклад или статья из обычного сборника.

Особенно ощущаются «дискурсивные разломы» в суждениях авторов, связанных с проблемно-тематическим анализом произведений швейцарского писателя и с весьма противоречивыми (и лишенными аналитического подхода) суждениями о месте книг Крахта в эстетических контекстах западной литературы конца XX — начала XXI в. Однако, как верно сказано: «дорогу осилит идущий». Поэтому нет сомнений в том, что рецензируемая коллективная монография выполняет свою главную задачу, сформулированную в «Заключении», — служит «стимулом для дальнейшего изучения творчества Кристиана Крахта» (218). И является важным побудительным импульсом к новой коллективной работе.

⁴ Именно в «практике коллективной научной работы» А. И. Жеребин видит залог выхода отечественного литературоведения из глубоко кризисной ситуации. См.: *Жеребин А. И. Cultural turn и литературное образование // Университетский научный журнал. 2012. № 3.*